

ГАВРИИЛ ГЕРАКОВ

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ ПО
МНОГИМ
РОССИЙСКИМ
ГУБЕРНИЯМ

Гавриил Гераков

**Путевые записки по многим
российским губерниям**

«Public Domain»

1820

Гераков Г. В.

Путевые записки по многим российским губерниям /
Г. В. Гераков — «Public Domain», 1820

«Милостивые Государыни! Вам посвящаю путевые мои записки, потому единственно, что с юных лет и доньше всегда удалялся сколько возможно общества мужчин, и ежели имею какие-нибудь добрые качества, маленькие сведения, то беседа ваша тому причиною, и – на вопрос, «почему я предпочитаю собрания благородно мыслящего нежного пола?»»

Содержание

Предисловие	6
Путевые записки по России. 1820.	7
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Путевые записки по многим российским губерниям 1820. статского советника Гавриила Геракова.

*Хоть добрым словом подарите,
Я славы громкой не ищу.*

Посвящается сей труд почтеннейшему, нежнейшему полу.

Милостивые Государыни! Вам посвящаю путевые мои записки, потому единственно, что с юных лет и донныне всегда удалялся сколько возможно общества мужчин, и ежели имею какие-нибудь добрые качества, маленькие сведения, то беседа ваша тому причиною, и – на вопрос, «почему я предпочитаю собрания благородно мыслящего нежного пола?» – отвечаю:

При них нельзя в словах забытья,
При них не смею глупым быть;
Им должен сердцем покориться,
Чтоб тем утехи находишь.
Нашел и радость и утехи
В невинных, Ангельских душах,
Вкушать я буду без помехи
Покой и в бедных шалашах.

И так удостоите, прекрасные сердцами, благосклонного вашего чтения, неприготовленные труды мои; пускай критика вооружится, я равнодушен к оной; ваша единая улыбка, ваше одобрение и – я доволен и счастлив!

Предисловие

С молодых лет, веду ежедневные записки: где был, что делал, чему выучился, доволен ли ближними, доволен ли собою, в мире ли с совестью своею и проч.; – в таком почти виде представляю путевые свои записки благосклонным читателям, с присовокуплением к предисловию краткой жизни Зоила. «Зоил родился в Амфиполе, Фракийском городе; красноречием занимаясь, *сыт был*; но – желая себя прославить и обогатить, написал критику на Исократовы¹ сочинения и на бессмертные творения Омировы, называя себя бичом их: За 276 лет до Р. Х. из Македонии прибыв в Александрию, показывал свою критику на Илиаду всем, наконец поднес оную Птолемею, прося за оную награды; ибо умирал с голоду. Птоломей, приняв с неудовольствием, велел сказать ему: Омир, умерший за 1,100 лет, кормил и кормит многие тысячи людей; Зоил же, хвалясь, что более имеет достоинств Омира, пусть прокормит хотя самого себя. – История говорит, что сей сатирик критик имел бедственную кончину: одни пишут, что Птоломей велел его распять; другие уверяют, что он побит камнями; третьи утверждают, что в Смирне сожжен живой.» – Зоилы наших времен! бойтесь участи собрата своего.

¹ Кто не знает сего славного витию, добродетельного Афинянина, друга Сократова, истинного сына отечества? Кончина его доказывает чувствительного человека; имея уже 98 лет, узнав, что Филипп, Царь Македонский, разбил Афинан при Херонее, с печали на четвертый день скончался, за 338 лет до Р. Х.

Путевые записки по России. 1820.

Июня 2-го числа. Пелопонис родина отца моего, Константинополь колыбель матери моей, а я родясь 1775 года в Москве, в пеленах привезен в С. Петербург, до семи лет находился в родительском доме, в сии юные лета лишаюсь отца, по Высочайшему указу с старшим братом определен в бывший Греческий корпус, кадетом, где и воспитан щедротами Великой Екатерины II, под надзором единственно *Русского Дворянства*; по воле Её, служил несколько месяцев в Балтийском флоте, на корабле Максим Исповеднике, и с 1790 года до 45 лет возраста ни шагу из Петрова Града, занимаясь образованием себя и других, попечением о кровных, службою военною, ученою и гражданскою. 1820 года просьбы и просьбы молодого Русского Дворянина Г. В. Д., убеждения многих, решили меня согласиться, оставить спокойствие единообразной жизни, забыть привычки свои и пуститься в дальнейшее путешествие по России; тем более я должен был согласиться, что хорошо воспитанный молодой человек, в обязанность поставил себе, покоить, лелеять меня всю дорогу. И так с упованием на Бога, сопровождаемый благословениями родившей меня восьмидесятилетней, почтеннейшей из женщин и всех честных людей обоего пола, оставя друзей и приятелей, выехал 2-го Июня 1820 в шесть часов утра из прекраснейшего города, столицы благословенного Государя великого народа. Какой-то тяжелый камень лежал на груди моей, и какое-то мрачное молчание не прерывалось до второй станции *Мурзинки* по Шлиссельбургской дороге; лошади мчали, коляска катилась быстро, пыль носилась за нами, ямщик, хотя и молодец, оплошал, наехал на перила, коляска на боку, тащится... миг, все полетели, охают, – вскочили; я будто пробудился от объявшей меня думы; товарищ мой ушибся до крови выше виска. Бог сохранил его, как и всех нас; егеря с козел с кучером больше страдали ваш покорный слуга, подобно душеньке, грудью упал на большой клок сена, однако левая рука, с месяц была синевата; хлопотня поднять коляску, которая от сильного удара несколько подалась в лево; крестьяне сбежались; я стоя на новом роковом мосту, облокотясь обеими руками о перила, думал про себя: что тебе сделалось, для чего ты поехал, что за прихоти, видеть других и себя показать? и когда? в сорок пять лет без выезда, имея только книжное понятие о почтовой езде, о дорогах; не воротись ли! ведь до Тифлиса далеко! Так думая покраснел. Как! Кто-то шепнул мне на ухо, ты написавший *твердость духа Русского*, не имеет сам, столько твердости, чтоб объехать часть России! Имею, отвечал сам себе. Между тем, добрыми крестьянами коляска поднята, сели и поехали; в час по полуночи были уже в Шлиссельбурге. Продолжая езду по берегу Ладожского канала, благоговей вспомнил Петра Великого, который сим каналом много душ сохранил и сохраняет; прежде Ладожское Озеро много поглощало, людей и грузу. Правдою руководясь, должен сказать: что дороги одна другой хуже, мосты еще дурнее, ямщики молодцы, лошади хороши. Утверждают что весь канал наполнен барками с грузом, и вообще одна от другой в пяти или шести сажнях, а не трогаются; что сему причиною? вода ли? люди ли? или что другое? не мое дело допытываться. 3-го Июня в семь часов по полудни, по ужасно дурной дороге, с дождем, доехали до Тифина, и по словам предыдущего смотрителя почт, пристали в монастыре. Не должно внимать, большею частью рассказам зрителей: часто путешественник не то находит, о чем ему говорили. Приказав своему повару приготовить обед, пошли в церковь, отпели с должною чинностью благодарственный молебен о сохранении родивших нас, друзей и приятелей. Что сказать о Монастыре? Богат и хорош, особенно церковь. Архимандрита не застали, – из Монахов один благообразный Мартирий, который ставил свечи, и продал по прошению нашему, описание Тихвинской Богоматери, обратил мое внимание: и глагол и поступь и скромность, все показывает отшельника, принявшего душею в живе Ангельский образ; по расспросам моим, отвечали все Монахи: Мартирий пример благонравия, только и знает келью свою и церковь; в десять лет до ворот монастырских не доходил; пожелав благочестивому иноку здоровья и твердости,

вошли в церковь женского Монастыря, и видели истинное благочиние; – показывали ризницу, хороша, и все в отличном порядке. Монахини одна другой скромнее, разговор кроткой, умный и душе приятный; с благодарностью вышли прося изъяснить наше почтение больной Игуменье, которую перед приездом нашим соборовали; она ждет смерти, как последней отрады отличной жизни своей: так к ней все относились. В Тихвинском женском Монастыре, в особом отделении, стоит богатая гробница, с телом Царицы Дарии Алексеевны, Супруги Царя Иоанна Васильевича Грозного и племянницы её Леониды Александровны Княжны Долгорукой. В 8-м часов, обедали и ужинали все почти свое; но за сено, ночлег, хлеб и сливки, заплатили очень дорого. 4-го Июня рано выехали из Тихвина; три станции, ужаснейшая дорога и преплохие мосты; да не приведет Бог ехать ни одному доброму человеку, разве злым за наказание. Но материалы уже заготовлены. *Слобода Соминская* прекрасна; на реке Сомине видно, что жители торговцы, чисты вообще; а женщины живы, не дурны и приветливы, ни одной шляпки, ни чепчика. 5-го Июня, в езде, только останавливались в *Устюге*, в дурном трактире обедали, за то дорого заплатили; – опрятство и здесь заметил особенно в женском поле. 6-го Июня, Воскресенье, в десять часов в *Мологе*. Все дышет Руским; идут к обедне в нарядах, нарядах Руских: опять как, не сказать, нежный пол был румян, прекрасен. Переменя лошадей, пустились, и в Рыбинске. Любезностию передового, остановились не в частном доме, а в Руском трактире, где при всем нашем, исключая стерлядки крошечной и дурной ботвиньи, ужаснейший счет подан и заплачен; точно по Парижски, не берут, а дерут. Рыбинск город живой: все кипит, говорит, рассуждает, иначе быть нельзя, судов множество, и вот кормилица С. Петербурга. В даль не вхожу, а чиновники живут и хорошо и гостеприимны; тут уж видны и шляпки и турецкия шали, и прочие наряды. По улицам, иные ходят, другие гуляют, в кружку стоят, прохожих оглядывают, заметя новое лицо, поклонятся: *еще грубость иноземная не достигла сего города*, слава Богу. Голова Рыбинска, купец Попов, богаче всех, умнее и скромнее, по сердцу пришел мне, весело учиться не у надутого, каковы большею частию иноземные просветители, только пыль в глаза бросают. Попов на мои слова, что при богатстве города стыдно видеть деревянную набережную, отвечал; естли бы Государь Император приказал брать по денежке с куля привозного, то в самой скорости, вся набережная была бы каменная; однако город имеет прекрасные церкви, биржу, и более ста пятидесяти каменных домов; устав, сели и поехали. Дорогою пили кофий в четвертом часу утра, у смотрителей почт. Иные живут чисто, и можно кое-что достать, а иные, – войти нельзя. 7-го Июня, чрез Ярославль и Ростов приехали в три часа по полудни в деревню товарища моего, Богородицкое. – Нет слов описать радости крестьян, увидя своего барина в первой раз, и нет слов пересказать, видя чистоту мужиков, баб, девок и детей, счастье и довольство на лице у всех; как весело встречать в низкой доле прямое веселие и должную признательность к своему доброму помещику. Вошел в барской дом, в котором 30 лет никто не жил, а все в порядке, можно заметишь что тут живали Бояре: какие аллеи, пруды, сады, богатство крестьян! Все возвещает хорошее управление. После многих посещений, хлеба и соли и душевных разговоров, в девятом часу обедали, и вскоре утомленные предались сладкому сну, в замке огромном, где тридцать лет ни кто не ночевал; *смешно*, однако я пересмотрел двери, замки, хорошенько притворил; осторожность везде нужна, хотя среди добрых поселян. 8-го Июня. Шестисуточная езда, молнии, гром, проливные дожди, холод, не причинили новичку, мне, ни какого вреда; маленькой флюс, насморк, при выезде из С. Петербурга; теперь здоров. Были у обедни, после которой молебен, Священник молодой человек, читал проповедь о повиновении Начальству и урок Господину; дай Бог, чтоб и в столицах так говорили. Объезжали другие деревни, принадлежащие моему товарищу, и слезы радости встречали и провожали. Баня Руская горячая и купанье, обед и ночлег в селе же Богородицком. 9-го Июня. Деревни собрались; песни, пляски выпроводили нас двенадцать верст, как будто в торжестве; в 8-м часов по полудни остановились в Ярославле у купца Федора Афанасьевича Москотильникова; человек умный, лет 75-ти, был несколько раз Городским головою. В 10-ть часов прислал про-

сидеть к себе Губернатор Александр Михайлович Безобразов; он так же гостеприимный, как и в столице; им и супругою его Анною Феодоровною, прелестною по душе и наружности, не могу нахвалиться; час времени побеседовав, возвратился к своему товарищу, и воздав благодарение Богу, бросился на свежее сено, заснул. 10-го Июня. В седьмом часу, пошли ходить по городу: очень чист и хорош с мостовою; сорок четыре церкви каменные, одна другой лучше,² в старинном вкусе, что и придает величие, особенно, что снутри и снаружи с верху до низу разрисованы. Я заходил к стоящему здесь Дивизионному Генералу Н. М. Сипягину, которой год тому назад сделал мне услугу, да и кому он не рад делать приятности? В 13 часов, по приглашению Москотильникова, в его древней покойной коляске, вместе с ним были в сумасшедшем доме. Как больно, видеть себе подобных, в таком жалком положении, но должно посещать сии дома, дабы смиряться. Кто из смертных может сказать, что чрез час, и менее, не постигнет его сие горестное несчастье? Тут одна девица оставила во мне сильное впечатление. Более четверти часа, я смотрел на нее: тело и глаза как бы оцепенели, горесть и равнодушие видны на бледном правильном лице её; другие и другие смеялись, будто счастливые: какое ужасное счастье! Отворотился, чтоб утереть слезы; в цепях, не хотел видеть. Боже сохрани и помилуй! лучше дай смерть, нежели лишишься ума, се единый неоцененный дар Творца, чем человек различает зло от добра. Были в больницах, в рабочем доме; везде чисто и хорошо, но в доме незаконорожденных чрезвычайно чисто и опрятно, и дети здоровы, скольких видел. В час дома, писали письма. Обедал у Губернатора и вместе с ним в Сиротском доме, учрежденном покойным Мельгуновым, возобновленном и в возможный порядок приведенном бывшим Губернатором Политковским, так говорил Ал. Мих. Безобразов; тут воспитанники читали свои сочинения; в прозе и стихах. Прилагаю одну басню, сочиненную тринадцатилетним воспитанником Павлом Антипьевым. УЧЕНЬИ ВОЛК. Когда разврат зверей противен Зевсу стал, То он за то на них смерть с голодом послал. Тогда и Лев и Барс с поникшею главою Внимали с ужасом болезненному вою, На силу ноги волк от голоду таскал И пищу себя он больше не ласкал. Чем буду, думал он питаться За что могу теперь приняться? Нет сил ловить овец, Пришел знать мой конец! В беде такой весь ум волк собрал свой, Придумал я – прибрел кой-как к жрецу смиренно И с постной рожею просить стал умиленно. Возмись, святой отец, добру меня учить, Злым хищником уж мне противно стало жить. Да сердца и ума благое просвещение Отклонят от меня небес правдивых мщенье, Хочу я истину как добрым быть узнать И более вперед грешить не начинать. Жрец добрый удивился Что волк переменился, И так не мешкавши его до сыта накормил И с радостью потом за книгу посадил; Разинув волчью пасть завыл *a, a!* наш волк, Жрец рад был, видя толк; Другую букву задает. Трудится волк; кривляет рот, Пот градом с волка льется Но *бе*, под лад ему ни мало не дается, Однакож бился, бился И *не*, произносить он твердо научился, И повторять ее без затрудненья мог, Жрец дальше, а злодей со всех скорее ног В лес лыжи наострил и в ремесло пустился В кустах близь ручейка покойно поселился, И там богато жил И без труда овец душил. Лишь только свой урок *бе бе*, он протвердит Тот час барашек и бежит, Хотя учение и трудно волку было За то уж жиренькой кусочик приносило. Но чтож, такая жизнь не долго продолжилась И хитрость на беду ученого открылась; Губителя опять поймали И тот час кожу сняли. Из басни сей нам видеть должно Что зло под именем добра, хоть скрыть и можно, Однакоже оно не долго продолжится И истина должна открыться. Из Сиротского дому повез благосклонный Губернатор в Губернское Правление: внутренность очень хорошо расположена, трудами бывшего Губернатора. Были в Приказе Общественного Призрения, прекрасно; в Демидовском училище вышших наук, Профессора кажется хороши. Начальник Виленский, Профессор древности Ханенко, более прочих мне понравились. В женском Монастыре, где Игуменья строит прекрасную ограду. В Спасском Монастыре, где Архимандрит Неофит с просвещением, живого характера; библиотека порядочная, рукописи

² А по словам жителей Ярославля более шестидесяти церквей, больших и малых.

довольно хороши, Илиада и Виргилий, старинной печати. В Соборах, Успенском, Константиновском и других; везде древность живописи, богатство останавливает, каждый скажет: прекрасно, прекрасно. Принеся благодарность отличному Губернатору за все, пустились в одиннадцатый час вечера в Кострому. 11-го Июня, три станции, очень хороши дороги; не доезжая Костромы, по моему настоянию заехали в Ипатской Монастырь, видели Храм Божий, хорош и все древнее прекрасно, но в каком я был изумлении, когда пожелав видеть терем Царя Михаила Феодоровича Романова и матери его Марфы Феодоровны, куда по назначению великого человека Сусанина, скрылись родоначальники Романовых, нашел, что стены покоев, исписанных историческими картинами: избрание на Всероссийский престол Романова, забелены. Въехали в Кострому в 7 часов утра. Почтмейстер Де – в; знакомый мне по Петербургу и по жене своей, пригласил к себе; дождь лил проливной, однако в его карете с ним объехали и осмотрели Соборы и Монастыри. Успенский Собор очень хорош в древнем вкусе. Воскресенский Монастырь на Дебре, Богоявленский – прекрасный и отпечаток Руского народа к Богопочитанию и щедрогае; почтенная древность и богатство. Убежденные остались обедать у гостеприимных хозяев, очень доволен, – тут увиделся с давнишним приятелем Г. В. Нелидовым, Председателем Уголовной Палаты; его хвалят за благородство чувств и деяний. Город Кострома далеко отстал от Ярославля по всем отношениям: и весьма грязно, и строения не Ярославские. В три часа пополудни, но благодаря Де – х, пустились в дорогу. Хотя и люблю величественную природу, но от Костромы до города Кинишмы 84 версты, без отдыха, молнии, гром ужасный, дождь и град, сопровождая нас, родили во мне неудовольствие; к сим неприятностям, дороги недоделанные, и большею частию дурны, горы, рытвины, стремнины, паромы дурнейшие, и мы по грязи глинистой должны много верст прогуливаться – едва, едва достигли Кинешмы. Бедность везде выказывает свое чело; вошел в чернейшую избу из лучших, мылись и пили кофий, со множеством разнородных гадин и насекомых, тут я сам собирал град, более голубинового яйца; два пастуха были ранены и несколько овец побито. До Юрьевца-Повольского дорога прекрасная, время очень хорошо, солнце воссияло. 12-го. Приехав в Юрьевец-Повольской, остановились подле почты, у Мещанина Шапошникова, чисто живущего, перед обедом, были в Соборе Вход в Иерусалим, или Спасовходский и Успенский. Говорят, что Великий Князь Юрий Всеволодович выстроил сей Собор. Город плох, и что страннее, по словам Шапошникова, жителей 551, а домов 599. В девять часов вечера, по изрядной дороге, исключая размытия от дождей и гор, приехали в село Лукинское; три раза должны были по грязи итти пешком. В сие время речка Ячмень от дождей не токмо разлилась, но так вздурилась, что прорвала плотину, сделав мужикам убытку тысячи на две; паром унесен был в Волгу; сия последняя прекрасна во всем течении своем. Много споров: товарищ мой, по пылкости своей, хотел переехать бурливую Ячмень; я не соглашался, представляя смерть Князя Аркадия Александровича Суворова, который не хотел несколько часов подождать, лишился в Рамнике жизни, и тем лишил отечество отличного Генерала. При том мужики, собравшиеся около нас, будто про себя говорили: утро вечера мудренее. – Эти слова подействовали; мы остались; в чистой избе у ямщика Василия Смирнова, ужинали и со множеством мух спали, – ну уж сон! мужики смышлены. 13-го Июня. – Напившись кофею, переехали на лодке чрез Ячмень, коляска и бричка, речкою не глубоко. Две станции дорога хороша, несколько гор, особенно первая крута – пешком перешли, погода прекрасна; в одиннадцать часов укрепились яичницею и поехали в Нижний-Новгород, из деревни Гумница, К. Урусова; она хороша, крестьяне и крестьянки чисты. Это доказывает, что помещик честной человек; я его не знаю, но довольство вверенных ему заставляет любить его. В половине осьмого по полудни, приехали в Нижний-Новгород чрез паром. Вид от реки Оки – прелесть; по горе, – уступами дома, домики, лачужки; для новой ярмонки, строение по виду хорошо, еще строится. Тут на ярмонку стекаются до двух-сот тысяч человек, с 20 Июля до 20 Августа. Кто Россиянин и не знает, что 32 губернии соединяются Волгою? При сем мог бы я написать двадцать страниц Историю ярмонки; но выписки из книг не делаю, как многие

путешествуют по книгам, и слепо верят оным. Остановились на Покровской улице, недалеко от Губернатора, в доме купца Булошникова. Перед окнами, как меня уверяли, та площадь, где 1612 года, Козма Минин Сухорукой уговорил сограждан ополчиться против Поляков, стать в ряды, – под знамена К. Пожарского. Смотри из окна на площадь, вдоль улицы, где довольно людей гуляло, предался думе о минувших временах, вспоминал свою юность, когда и ночи просиживал над книгами, чтоб отыскать, вырыть так сказать полезное, и передать современникам; слабым пером начертал дела К. Пожарского и Минина, достиг своей цели, возбудив нашего Русского Фидиаса, Мартоса, приняться за резец, – и мы увидели, по воле ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, пожеланию Русских, памятник воздвигнутый в Москве, сим великим Мужам. Душа моя торжествует! Разговоры с Полицмейстером Смирновым, пылким и готовым услужить, ужин и сон рассеяли мою думу. 14-го. Утром увиделся я со старым знакомым, нынешним Губернатором, Александром Семеновичем Крюковым, вежливым человеком. До обеда, вместе с Смирновым были в Соборе: – хорош; поклонились гробнице бессмертного Минина; не быв сентиментальным, подвиги Минина приказали слезам выкатиться из глаз моих – и се жертва великому человеку. Были в других церквах, все хороши; но Ярославские богаче, а Костромские лучше. Объехали почти весь город: видно, что торговый; но не только красавицы не встретили, даже милой; может быть на нашу беду, или на наше счастье, хорошенькия попрятались. В два часа с половиною, прощенные обедали у Губернатора; супруга его, из Англичанок, тем больше почтеннее для меня, что говорит по-Русски, как Руская; обед славный по всем отношениям, и беседа порядочная; с балкона, глаз видит лучшее местоположение. Присутственные места давно сгорели; обывателей считают до 15 тысяч человек. Семинария, говорят, хороша; времени не было самим посудить. Гуляли, были в церкви Рождества Богоматери; построена Демидовым, при Петре Великом; служения не было, по словам Священника, с 1722 до 1725; что за причина? не даром; ибо Петр I все делал с умом. Тут видел, писанные Евангелия, образа письма отличного, и все прекрасно. Вечер, и я дома, в приятных разговорах, с добрым и любезным товарищем. 15-го Июня. – Нас посетили многие, и Прокурор, которого хвалят, Николаев, принес мне рукопись о Нижнем-Новгороде; в оной ничего нового не нашел; однако очень благодарен за учтивость. До двух часов дома; званые Смирновым, коего знал офицером в Преображенском полку, обедали хорошо, и чувствительны за ласки. Ходили по городу и первой раз увидели несколько дам. И здесь, как и в других городах, в два дни я узнал и то, и другое; кто говорит тот и прав, Бог да помирят всех. Лелевых (Амурных) дел мало, известных, за то у нас хоть не слушай. Помолясь, заснул крепко. 16-го. Утром слушали обедню в девичьем Крестовоздвиженском монастыре, где более восьмидесяти монахинь и белиц; службу совершал Священник очень хорошо; на крылосах монахини и белицы пели изрядно; все вместе благоговение внушает; приглашены к Игуменье, (Дорофея Михайловна Мартынова замужем была за Новиковым). В монастыре нельзя не заметить чистоту, чинность, красоту, ум Игуменьи, простоту глагола. Обедали у Губернатора, были в Ланкастерской школе: порядочно. Вице-Губернатор Д. С. С. Моллер, показывал нам вино в подвалах; отлично хорошо поставлено; желательно было, чтоб везде был такой порядок. В Театре играли Богатонова, дворовые люди Князя Николая Григорьевича Шаховского, очень изрядно, особенно актрисы. Простясь со всеми, приготовились к отъезду. 17-го Июня. – Дорога не совсем дурна; до Василя две версты; розы дикия, благовонием своим приятны обонянию и зрению, – жаль, что церковь давно строится и к концу не доходит. 18-го. В дороге, от Чебоксара до самой Казани, дороги большею частию дурные; но я заметил, что деревья садят перед рвами, а не за рвами; это спасает от несчастья, при темноте ночей, при дождях и разливах. Только один паром проехали в Казанской Губернии, и тот дурнейший. Ямщики от С. Петербурга все хороши. От Эмангаша везли нас *Черемисы*:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.